

В.В. Быконя, Ю.А. Карманова

Томский государственный педагогический университет

**Лингвокультурологический анализ
наименований насекомых в селькупском языке¹**

Аннотация: В статье рассматриваются наименования насекомых в селькупском языке. Проводится семантический анализ инсектонимов при непосредственном учете междialeктных регулярных звуковых соответствий с целью выделения словообразовательных моделей наименований и номинативных признаков единиц, входящих в тематическую группу «насекомые».

The paper considers the names of insects in the Selcup language. Semantic analysis of insectonims includes the consideration of interdialectal regular vowel and consonant interchanges. The aim of the paper is developing word-building models and nomination principles of the considered insectonims.

Ключевые слова: селькупский язык, энтомологическая лексика, словообразование, инсектоним, номинативный признак.

The Selcup language, entomological vocabulary, word-building, insectonim, nomination principle.

УДК: 811.51.

Контактная информация: Томск, Комсомольский проспект, 75. ТГПУ, факультет иностранных языков. E-mail: kosmosila@inbox.ru.

Системное исследование различных лексических пластов представляет важное направление в современном языкознании. Одной из значительных работ в сфере анализа энтомологической лексики является диссертационное исследование Л.А. Хачатуровой «Принципы и проблемы комплексного анализа класса слов: семасиологический, ономасиологический, деривационный и лексикографический аспекты описания зоонимов в русском языке» [1992]. В исследовании Ю.А. Кривошаповой даны народные представления о насекомых, выявлены номинативные признаки русской энтомологической лексики, наиболее востребованные из которых – производимый насекомыми звук, место их обитания и время биологической активности [Кривошапова, 2007, с. 7]. Энтомологическая лексика получила освещение в исследовании Г.М. Мухтаровой на материале татарского языка, выделены наиболее продуктивные способы и модели образования наименований насекомых, а также основные принципы номинации инсектонимов (названий отрядов, семейств и видов насекомых), среди которых цветовые особенности насекомых, размер, специфика поверхности крыльев, эстетические особенности, среда обитания, особенности поведения и др. [Мухтарова, 2009, с. 27–31]. На материале тазовского диалекта селькупского языка А.И. Кузнецова распределяет лексику по принципу родо-видовых отношений, выделяя, например, поле «деревья», поле «птицы и звери». Наименования насекомых объединены в группу слов, между которыми не возникают подобные связи [ОчСЯ, 1980, с. 46–47]. В селькупском языке класс

¹ Выполнено при финансовой поддержке ГРНФ. Код проекта 11-14-60006а/Т.

насекомых представлен не слишком широко. Были обнаружены наименования таких отрядов класса насекомых, как жуки, бабочки, блохи, вши, клопы, мухи и комары, стрекозы. Практически каждое наименование представлено в языке несколькими диалектными вариантами, общее количество которых составляет около 150 лексических единиц.

Предметом данного исследования являются наименования насекомых во всех диалектах селькупского языка, а также выявление их мотивировочных признаков. Исследованию подвергнуты обобщенное наименование «жук», а также наименования отрядов «Перепончатокрылые», «Стрекозы», «Двукрылые».

Энтомологический пласт лексики значительно отличается по своему количественному и качественному составу в разных языках. Это связано с наличием двух взаимодействующих сторон и их особенностями. Одна сторона – это мир насекомых со всем его разнообразием. Другая сторона – это речевой коллектив с присущим ему определенным уровнем материального и духовного развития. Данный уровень отображает степень познания народом мира в целом и мира насекомых в частности. Известно, что одни и те же наименования в разных языках образуются с учетом особенностей мировоззрения и роли тех или иных объектов и явлений для определенной речевой группы людей.

Согласно биологической классификации, насекомые (insecta, hexapoda) – класс беспозвоночных шестиногих членистоногих животных. Группа, обладающая наибольшим разнообразием среди всех остальных животных на Земле. Известно около 1 миллиона видов насекомых, среди которых бабочки, жуки, мухи, муравьи и пчелы. Наименования насекомых, входящих в состав научной терминологии, и диалектные наименования образуются по разным схемам, так как на более высоком уровне возникает научное знание о насекомых, где представления систематизируются согласно принятой в энтомологии классификации насекомых [Костина, 2004, с. 8].

С целью выявления мотивировочного признака, мы обращаемся к морфемному членению слова и соотносим его компоненты с однокоренными словами. Таким образом восстанавливаем значения слов, которые были присущи им на этапе формирования того или иного инсектонима. Впоследствии, когда слово превращается в символ, значения его составных элементов уже не принимаются во внимание. С одной стороны, представляется возможным восстановить исходное значение слов, которые «склеены» из ранее самостоятельных слов или их частей, с другой стороны, раскрывается мир связей и отношений, в котором находился человек на этапе формирования этноса и культуры.

В селькупском языке обобщенное наименование ‘насекомое’ представлено несколькими вариантами, которые распределяются по диалектам следующим образом:

Таблица № 1

№ п/п	Селькупское наименование		Русское наименование
	Северная группа селькупов	Южная группа селькупов	
	тур. tuk, tuŋ, qoaməqi		насекомое, червь, жук
		об. Ч, кет., вас. čuk, čukj, čuk, čuq;	жук, букашка, червь, глист

		вас. qaβalqo; об. С qaβulgo; об. Ч qaβəlgo; об. С, Ч qaulyo; вас.	жук, букашка (с крыльями, но не летает)
	ел. qoselaka		жук, букашка (с панцирем, летает), клещ
	ел. tugalaka		насекомое

Полагаем, что инсектонимы **тур. tuk**; **ел. tuŋ** ‘насекомое, червь, жук’, об. Ч, кет., вас. čuk, čuq ‘жук, букашка, червь, глист’ были некогда родовыми названиями «насекомое, червь».

Анлаутные согласные t ~ č находятся в условиях регулярного звукового соответствия, которое прослеживается в диалектах: об. С tiyür ~ об. Ч čeyür ‘жеребенок’, тым. täŋg, кет. tiŋgə ~ об. Ч čiŋg, čiŋgə ‘лебедь’; об. Ш atča ~ асча ‘коршун’; ел. tūga ~ čūga ‘гнида’ [Dulson, 1971, с. 40].

Для выявления мотивировочного признака данных наименований рассмотрим лексические ряды: 1) тур. tuqärtimpriqo ‘постукивать с перерывами’; toyaqo ‘ткнуть, клонуть’; toqantıqo ‘клевать’ с последующим развитием значения ‘сосчитать’; тым. tuγolžugu; об. С, Ч tuγulžəgu ‘сосчитать, прочитанье’ и 2) об. Ч, вас., тым. čugurgu; кет. čugərgu; čakarku ‘зачервиветь’: qβəl čugurba ‘рыба зачервивела’; об. Ч čuγul ‘червивый, гнилой’; тым. č ugəl; вас. čukəl; кет. ug’i ‘червивый’: ug’i βət’t’i ‘червивое мясо’. Действие, направленное на предупреждение данного состояния, обозначается лексемой кет. täkkərgə ‘сушить, вялить’.

Семантическое содержание слов, вошедших в первый ряд, заключается в обозначении ритмического действия, осуществляемого с определенным интервалом. Семантическое содержание слов второго ряда – обозначение состояния, обусловленного наличием (скоплением) организмов с наименованием č uk ‘червь’. Значения ‘жук, букашка’ в данном случае не отражены.

Составим третий лексический ряд с учетом регулярных звуковых соответствий u ~ o ~ e; č ~ [Dulson, 1971, с. 37]: тым. č oyalbugu ‘клевать’; тым. č oyalgu; вас. čokalku; об. č, вас., тым. č oqolgu ‘воткнуть, поставить’: одар čoqolgu ‘облокачиться (букв. руку поставить)’, ‘клонуть, уколоть, укуси́ть’ č oqolbat kanat tobımd ‘змея укусила лапу собаки’, ‘ужалить’; вас. č oqalgu oqolgu; вас. č ekolgu ‘вопнуть, проткнуть, проколоть, ужалить’: вас. u oqolode oqal’eşpıgu oqal’eşpıgu ‘колоть, клевать’: kβıg’et onžıt p’irımdıt oqal’eşpadıt ‘вороны друг друга клюют’; ‘жалить’: niŋkat, put astedep oqal’eşpadıt ‘комары, паузы оленей жальт’; ‘толочь, выдалбливать’. Через регулярное звуковое соответствие ~ t [Dulson, 1971, с. 41] выходим на лексический ряд: об. С, Ш, кет., вас. t’okkolgu; тым. t’okol’gu ‘воткнуть, вонзить, пробить’: oγom t’okkolgu ‘пробить лед’; вас. асқод’i t’okkolgu ‘несквозь проткнуть’; об. С, кет. t’okkoll’əgu ‘кольнуть слегка’; тым. t’okol’gu ‘выдолбить’; кет. t’oqqolbıgu ‘забивать (гвозди)’; кет. t’oqqəččəgu ‘пробить лед’.

При звуковом соответствии t ~ t’ [Dulson, 1971, с. 39] третий лексический ряд соединяется с первым рядом, имея то же семантическое содержание. Лексический ряд, объединенный общностью компонента tuk- (tuγ-, tuq-), при чередовании гласных u ~ o позволяет сделать вывод о том, что обобщенное наименование tuk ‘насекомое’ отражает семантическую мотивировку «способ защиты» или «способ передвижения посредством ритмичной работы конечностями».

Другая более высокая степень выполняемого действия, как то: ‘ужалить, насквозь проколоть’ обозначается в языке компонентами ok-, t’ok-. Они не зафиксированы в числе наименований ‘насекомое’.

Менее высокая степень выполняемого действия, как то: ‘клонуть, воткнуть, уколоть, укуси́ть, ужалить’ обозначается компонентом oq-, который имеет кор-

релят *џиц-*, еще более приближенный к нейтральному при нанесении укола жалом. Самым безобидным в данном случае представляется *иц* ‘червь’ с последующим развитием значения ‘зачервиветь’, иначе – нанести повреждение слабому объекту (мясо, рыба).

Семантические деривации, подтверждаемые рассмотренными лексическими рядами, свидетельствуют о закреплении на лексическом уровне в качестве обобщенного наименования ‘насекомое’ лексем *tuk* и *џ uk* как более нейтральных в плане нанесения повреждения человеку или животному с семантической мотивировкой ‘постукивание клювом / жалом’.

Иной мотивировочный признак положен в основу наименования *туц*. Полагаем, что таким признаком является ‘пятно, метка (в виде петельки)’, ср.: 1) *вас. тац* ‘петелька’; тым. *тацгә* ‘кулемка (петля на зверька)’; 2) *вас. тац мулжәгу* ‘отмыть’ (букв. пятно вымыть, ср. *мулжәгу* ‘вымыть’); *тац патқәлгу* ‘вытереть, оттереть’ (букв. пятно вытереть); *тац нөрбалгу* ‘очистить’ (букв. пятно вычистить). Принципом номинации является ‘окрас’. Этот же мотивировочный принцип положен в основу орнитонимов тым. *тәцг* ‘лебедь’; об., *вас., тым. тецг, тецк* ‘лебедь’; об. Ш *тицг* ‘лебедь’; об. Ч *т’ацг* ‘глухарь’. Далее семантическое развитие идет в направлении обозначения предмета ловли зверя, ср.: кет. *т’ацго*, тым. *т’ацгә* ‘петля (на зайца, белку, медведя)’, капкан’; кет. *т’ацгәлгу* ‘прицелиться’, а также принцип работы капкана ‘зажать, прищемить’, ср. об. Ш *т’уцгбатку* ‘пожать плечами’.

В южных диалектах селькупского языка распространен инсектоним **об. С, Ш, Ч, вас. цабалцо** ‘жук, букашка (с крыльями, но не летает)’ – насекомое в связи с табу без собственного наименования [Быконя, 2006, с. 136]. Фонетические варианты наименования рассматриваемого насекомого *цабалцо, цабулго, каџилго, цаулю* отличает сложная морфемная структура. В них выделяется общий компонент *-лцо* (*-лго, -лю*), за вычетом которого остаются *цаба-* и *цау-*. По структуре лексемы представляют собой сложные слова. Для компонента *цау* имеются соответствия в группе лексем тым. *цаударгу*, об. Ч *цаудергу* ‘гадать’; тым. *цаудардал цур* ‘знахарь’ (человек, который загадывает удачу на охоте); об. С *цауло* ‘призрак, чудовище, нахальный’. Сопоставление внешней формы слов об. С *цауло* и *цаулю* (< *цаулюо*) позволяет, в свою очередь, выделить общий компонент *цау-*, а вторые компоненты *-лос* и *лю* < *люо* материально совпадают со знаменательными словами, обнаруживая общие значения об. С, тым. *лос* ‘дух’, ‘божок из железа или дерева’, ‘черт’; об. С, Ш, кет., тым., тур *лоз* ‘дух’, ‘черт’; *лфо* ‘черт’, ‘дьявол’. Лексемой *лос* передаются наименования рукотворных изделий из железа и дерева, предназначенных для хранения духа. *Лози* известен как ‘лесной человек’ с одним глазом во лбу, от них спасались с помощью осиновых поленьев [Быконя, 2006, с. 136]. Дальнейшее семантическое развитие слова пошло в направлении выражения значений: об. Ш, тым. *лози, лозил* ‘хитрый’, ‘грязный’, ‘поганый’.

Из числа лексем *цабалцо, цабулго, цаџлго, цаулю* более древней следует считать лексему с фонетической формой *цау-лю*, другие же образовались в результате появления на стыке двух гласных эпентетического звука *џ*. Такой путь звуковых изменений в истории селькупского языка подтверждается следующим фактическим материалом: кет. *цаугу* ‘сократиться’ – *цаџимџуку* ‘укоротить’; об. Ч *цаул* ‘сани’, ‘нарты’ – *цаџил* ‘сани’; тур. *цаџарцо* – об. Ч *цаџергу* ‘дышать’.

Компонент *цау-* сближает с наименованием березы тур. *цаа* (в культуре этноса считается, что в образе березы воплощен дух-оберег) [Сахарова, 2010, с. 59], с компонентом наименования тур. *цаамәқи* (*цаа-мәқи*) ‘жук’ и со знаменательным словом тур. *цаа* ‘глист’, ‘солитер’ наличием двойных гласных, которые различаются по диалектам. Ассоциативные связи рожают культурную реалию, которая сохранилась в мифологии: *каџилго* – это жук, дух покойного, иначе черный жук. Как пишет Г.И. Пелих, душа человека после смерти уходит в нижний мир. Человек снова там живет, как на земле, и снова умирает. Тогда его душа превращается в черного жука [Пелих, 1998, с. 31]. Иначе *каџилго* (< *каџилгоо*) – это дух-черт.

Видимо, есть основания отнести к данному ряду лексемы со значением ‘дух’ тур. *qeј, qij*.

Имя духа *qaβ* вошло в структуру наименования одной из разновидностей рыб – об. С, Ш *kaβəja* ‘линь’ (тотем рода Кавылиных), ср. кет. *qaβəldo* ‘Линевое озеро’. При чередовании согласных β~m диалектным дублетом выступает ихтионим об. Ч *kaṃija* ‘линь.’ Другой особенностью следует считать значение лексем об. Ш *qao*, об. Ч *qaβ*, об. С *kar* ‘тело, колени’. Данными лексемами обозначалось тело человека, продолжавшего жить в нижнем мире. Подтверждением служат наречия от данной основы тур. *kaṃte* ‘вниз лицом’, тым., *vas. kaβte*, кет. *qautte*, об. Ч *qaute* ‘навзничь, наоборот’; об. С *kote kaβte* ‘взад-вперед, шиворот-навыворот (букв. назад-наоборот)’. Обратная сторона *kaβ* в данном случае выступает обозначением нижнего мира, которое материально совпадает с наименованием тела.

Компонент *kaβ-* со значением ‘дух в теле’, ср. кет. *tös* ‘дух вне тела’ обуславливает отрицательную коннотацию лексем: об. С *qaβed’igu* ‘разрушиться’; *qaβes’ku* ‘развалиться’. Лексема *qaulo*, изменив внешнюю форму на *qaβalgo*, приобрела возможность вторичного членения на компоненты *qaβ-algo*, второй из них сопоставляется с орнитонимом кет. *alg* ‘черная утка’, тур. *alıqı* ‘утка-турпан’ (тотемы нижнего мира), ср. об. Ш, Ч *elqıl* ‘нижний’, *elqıl şünd* ‘нижний этаж’ (ср. душа уходит в нижний мир); ел. *lgij, lıyaj*; об. Ч *lyıl*; об. С *lgej* ‘нижний, внутрененный’; ел. *ılyıj p’el’ak* ‘нижняя сторона’ (нижний ярус подземного мира). Кроме того, материальное совпадение компонента *-algo* со словами *elqıl* ‘нижний’ и *ilgu, elgu, əlgu* ‘жить’ поддерживает ассоциативную связь с жизнью под землей, отраженную в мифе. Защитная функция описываемого мифического духа сохраняется в мифологеме *kaβa-lozi* ‘черти, дьяволы’. По данным Г.И. Пелих, они могут быть и на земле, и под землей [Пелих, 1998, с. 30]. *kaβa-loz* не был душой человека, он был защитником от всевозможной «нечистой» силы. Его фигурка становилась вместилищем от всевозможного зла [Там же, с. 31]. В современных диалектах мифологема имеет положительную коннотацию: кет. *qaβal lozi* ‘волшебник, призрак’.

Второй компонент *-lo* < *lo(о)* рассматриваемого инсектонима об. Ч *qaulo* ‘жук, букашка’ известен как наименование насекомого ‘оса, шмель’, ср. об., *vas. log, loy, loga, lögə, loyə*. Дух олицетворен в образе такого насекомого, которое выступает в роли духа-защитника или является духом-помощником в мифологическом представлении селькупов.

Действие духа *loy*, ср. об. Ч, *vas. loyəl* ‘дьяволиный’, *loyəl* ‘для духов’, проявляется в лексемах об. Ч *loyβadeşpugu* ‘смеяться’, *loyβatple kβateşpugu* ‘начинать смеяться’; об. С *loyelgu* ‘заржать’, *loyettəmbəgu* ‘ржать’; об. Ч *loyəmbugu* ‘громко смеяться, ржать’.

В севернодиалектном ареале отмечен инсектоним ел. **qoselaka** ‘жук, букашка с панцирем (летает)’. Принятый нами принцип деления лексем позволяет вычлени в ней следующие компоненты: *qos-el-aka*. Компонент *qos-* встречается в сфере наименований разновидностей рыб, например, ел. *qos, qosap* ‘ерш, муксун’; кет. *kassa* ‘окунь’, а в фонетическом вариантах *kaz-, q’az-* – в структуре лексем кет. *kaza*, тур. *q’azıl’tıg’e* ‘стрекоза’; кет. *kazar* ‘кедровка’. Полагаем, что речь идет о мифическом предке *qos* (*qoas, qaz*) – «птица-насекомое-рыба». Значения лексем об. Ш *qazırgu* ‘загрязниться’, *qazırbı* ‘грязный’ дают возможность полагать, что мифический предок был неопределенного цвета. Впоследствии лексема стала родовым названием для указанных представителей животного мира с актуализацией окраса. Такая семантическая мотивировка отмечается в наименованиях других зоонимов, например, ел. *kösıra* ‘ворона’ (окраска однотонная, оперение черное с синеватым или зеленоватым отливом [БСЭ, т. 5, с. 360], тур. *qoasırı*, кет. *qāzıra*, тым. *qazıra* ‘кедровка’ (темная коричневато-бурая окраска, с белыми пятнами) [БСЭ, т. 12, с. 16]. Орнитонимы *qoasıra* (< *qoas+ıra*), *qazıra* (< *qaz+ıra*) соответствуют словообразовательной модели: темный (грязный) + старик.

Второй компонент -el сохранился в селькупских диалектах в значении ‘отец’ [Зеремская, 2008, с. 37]. На этапе грамматикализации он выделился в суффикс -l, который является одним из древнейших суффиксов, ведущих свое начало от прауральского языка. Учитывая современное состояние селькупского языка, данный суффикс относится к непродуктивным. В самодийских языках его значение определяется как ‘связанность по месту, совокупности однородных предметов и их обладание чем-либо’ [Болдт, 1989, с. 36–37]. В прауральском языке -elä означает ‘жить’ [Rédei, 1986, с. 73]. В селькупском языке морфема -el реализуется в лексемах об. Ч, вас. ella ‘дух, душа’; об., кет., вас. elgu ‘жить’. Третий компонент -aka соотносится с лексемой вас. akā ‘старший брат’; кет. aga; об. С, Ш agā ‘брат’.

Проанализировав все составляющие компоненты лексемы ел. qoselaka ‘жук, букашка с панцирем (летает)’, определяем для данного наименования исходную словообразовательную модель: темный (грязный) + дух + брат. В процессе исторического развития языка последовало слияние компонентов, утрата их семантического содержания. В современных диалектах слово является наименованием насекомого, а подтверждение информации, которая расшифровывается из семантического содержания компонентов наименования, находим в мифологии.

А) Отряд перепончатокрылые:

№ п/п	Селькупское наименование		Русское наименование
	Северная группа селькупов	Южная группа селькупов	
	тур. kīta; ел. qīte	об. Ч kīža; об. Ш kīdža, kī ; кет. ; об. С qaža, qīža; тым. qīdža; кет.	муравей
		кет. pīle, qībi; тым. log'e	оса
		об., вас. log, loga, loγ, loγa II; об. Ш loge; об. С lōgə, loγə; кет. loqqe	оса, шмель
	тур. kurparīra		шершень
		об. Ш pūrke; об. Ч, вас. purka	шершень, шмель

Наименование муравья в селькупском языке представлено несколькими вариантами, а именно тур. kīta; ел. qīte; об. Ч kīža; об. Ш kīdža, kī a; кет. k a; об. С qaža, qīža; тым. qīdža; кет. q a ‘муравей’; ел. qīte; об. С qīčka. Лексема qīčka является двухкомпонентной – qīč-ka. Словообразовательный формант -ka восходит к лексеме об. С. qa, ел. qo, тур. qoa ‘глист, солитер’. Лексема qa была родовым названием ‘червь, жук’, ср. тур. qoamīqə ‘жук, букашка’. Первый компонент qīč-, учитывая чередования согласныхč~ž, реализуется в следующих лексических единицах об. Ч qīžbatpugu, вас. qīžəbatpugu ‘шуршать, хрустеть, трещать’: mat öndəd'ar qīžəbatra ‘я слышу шорох’; об. С qīžībugu, kīžībugu ‘шуршать, стучать зубами’; вас. qīžībatpugu ‘хрустеть, трещать, шуршать’.

Лексемы kī a, k a, kīža, kīdža, kīta, k a также реализуются в глаголе об. С. kizembugu со значением ‘шуршать’: toγo kīzemban ‘шелк шуршит’.

Таким образом, выделяется принцип номинации для данных наименований: звук, возникающий или сопровождающий движение насекомого.

В качестве наименования осы зафиксированы следующие варианты: 1) тур. pīle; 2) кет. qībi; 3) об., вас. log, loga, loγ, loγa; об. Ш log'e; об. С lōgə, loγə ‘оса, шмель’: об. С lōγəla pul'd'želgu mogut qumīm ‘осы могут ужаливать человека’; loγə mazīm pul'd'žiq ‘меня шмель ужалил’; тым. loqe; кет. loqqe ‘оса’. Для каждого из

инсектонимов восстанавливается мотивировочный признак 'укус, производимый жалом'.

Первое наименование тур. *pıle* соотносится с компонентом *pul-* лексемы об. С *pul'd'zelgu* 'ужалить', наименование кет. *qıbi* – с компонентом *qıb-* лексем *vas. qıbıldıku*, об. С *qıbılzəgu*, *qıbıldzıgu* 'ущипнуть'; об. С *qıbıldzomgu* 'прищемить'; об. Ч *qıbılzəşpıgu* 'щипать, отщипывать'; кет. *qıbal'd'ıgu* 'отщипнуть', наименование *log, loga, loğa, loqe* – с лексемами кет. *loğııgu, loğııgu*; тым. *loğoggu*; тур. *loqııqo* 'воткнуть, поставить вертикально', тур. *loqıqo* 'стоять вертикально, торчать', *loqırentıqo* 'втыкать'. Мотивировочным признаком является нанесение укула жалом, различие заключается в форме нанесения повреждения жертве.

Наименование шершня в селькупском языке представлено несколькими диалектными вариантами: **об. Ш *pürke*; об. Ч, *vas. purka*, *таз., тур. kurparıra*** 'шершень, паут'. Для того, чтобы выявить мотивировочный признак данного наименования насекомого, проведем морфемное членение лексемы *kurparıra* на компоненты *kur-par-ıra*. Как видим, она включает компонент *-par-*, который входит в один лексический ряд с компонентами *-pır-* и *-rür-*, выделяемыми при членении инсектонимов *pır-ka* и *pır-ke*. Различия сводятся к гласному, и они в данном случае могут составлять ряд регулярных звуковых соответствий: *a~u~ü*. Таким образом, базовая основа рассматриваемого наименования шершня в разных диалектах одинаковая. Данное положение подтверждается семантическим содержанием соотносительных основ следующего лексического пласта: *par-*: *vas.*, тым. *parğ'e* 'шайтан (дух, который живет между небом и землей)' [СРДС, 2005, с. 180]; об. Ш, Ч, *vas.*, тым. *pargu* 'свить, обмотать'; кет. *pare* 'омут, сверло'. Выделяем для компонента *par-* инсектонима 'шершень' мотивировочный признак «мечущийся дух». Аналогичное семантическое содержание присуще лексическому пласту с компонентом *pır-*: тур. *pırıgu* 'бурлить, пениться', об. Ч *pırıl'zıgu* 'закружиться'; тым. *pırıl'za* 'заводь'; *pırırğa* 'водоворот'. Мотивировочный признак данного инсектонима может быть дополнен характеристикой «обжигающий», поскольку имеются соотносительные слова со значениями 'обжечь, опалить (огнем)': об. Ч, кет., тым. *paržıgu*; 'зажечь (огонь)'; об. Ч, тым. *pırçıgu*. Таким образом, определяем для инсектонима 'шершень' внутреннюю форму «мечущийся обжигающий дух», а мотивировочный признак - способ передвижения и сила нанесения повреждения (укуса). Второй компонент *-ka, -ke* изменил внешнюю форму через элизию гласного и может быть восстановлен в виде *aka, ake*, что соответствует лексеме *vas. akā* 'старший брат'. Словообразовательная модель на этапе формирования инсектонима включала лексемы: мечущийся обжигающий дух+старший брат. Функция старшего брата заключалась в воспитательном воздействии на младшее поколение (см.: [Зеремская, 2008]).

Первый компонент лексемы *kur-par-ıra* сопоставляется с первым компонентом зоонима об. Ч *qır-əška* 'самка горностая', кет. *qır-uŋga* 'самка горностая', ср. об., *vas.*, тым. *qır* 'горностай', кет. *qırğ* 'горностай-самец'. Учитывая междиалектное смешение и чередование гласных *ö ~ ü, o ~ u* [Dulson, 1971, с. 37], а также чередование согласных *ŋ ~ n*, мы можем предположить, что второй компонент – *uŋga* лексемы кет. *qır-uŋga* 'самка горностая' соотносится со следующими лексемами, например, тур. *op'am* 'тетя' (по материнской линии), тур. *opel'a* 'тетя' (чередование *n~n'~ŋ*); ел. *onal'dırij* 'меченый': *onal'dırij* *ötə* 'меченый олень', *onal'dır'ıqo* 'иметь метку, быть меченым' и имеет исходное значение *opa* 'метка, знак'. Следовательно, содержание наименования кет. *qırıuŋga* 'самка горностая' складывается из следующих составляющих: дух + метка. Под мотивировочным признаком 'метка' подразумевается особенность окраса горностая, а именно его кончик хвоста, который не меняет окрас в течение всего года в отличие от окраса меха, меняющего цвет с приходом зимы и лета [БСЭ, т. 7, с. 101].

Наличие удвоенного согласного в лексеме кет. *qurḡ* ‘горноста́й-са́мец’ можно объяснить элизией гласного *-i-*. Исходная форма зоонима имела фонетический облик *qur-ḡra*, ср. *kur-paḡ-ḡra*. Последний компонент обозначал мужскую особь, ср. тур. *ḡra* ‘старик (и все фонетические варианты: *ara, ära, ḡra, ḡra, əra*). Он вошел в структуру таких мифологем, как, например, об. Ч *qoḡqəl ära* ‘медведь-старик’; *Sarba-ḡra-matur* – одно из популярных имен воинов-богатырей [Пелих, 1998, с. 64].

Кроме того, зооним *vas. qure* ‘горноста́й’ материально соотносится с мифологемой кет. *kura* ‘лесной дух’ (различие между лексическими единицами состоит в ауслатном гласном *-a, -e*), *vas. kura-gur* ‘лесной человек (букв. лесной дух-человек)’, а также с компонентом имени духа-богатыря *Kur-ḡu*, с компонентом личного именем основателя «медвежьего» племени *Koḡ-se* (< *Koḡ-es*, букв. великий дух-верховный отец, ср. кет. *essi* ‘отец’) [Быконя, 2011, с. 136]. Действие духа проявляется в лексемах *vas. qorbatku, qorbotku*; тур. *qorḡitqo* ‘разболтать, перемешать, взмутить’; тым. *küraku, küreku*, кет. *küruku* ‘махать, трясти, качаться’; тым. *küralgu* ‘встряхнуть, взболтать’. Данная группа слов имеет общее семантическое содержание «смешение» – соединение в одном образе характерных черт объектов разных уровней, что свидетельствует о синкретичности образа мифического предка *kur-*, который послужил понятийной базой для формирования цвета ‘мутный’ (ср.: [Быконя, 2010]). Полагаем, что мотивировочными признаками инсектонима *kur-paḡ-ḡra* являются окрас и сила нанесения повреждения, а зоонима *qure* – окрас.

Женская линия в наименованиях горноста́я об. Ч *qur-əḡka* и кет. *qur-uḡa* передается вторыми компонентами. Кроме того, компонент *-əḡka* фонетически приближен к наименованию другого насекомого – ‘моль’, ср. тым., об. Ч *sko, ḡsqo*. Общим для данных лексем является компонент *-əḡ, -ḡḡ*, который в фонетическом варианте *-oḡ* вошел в структуру лексемы *vas. oḡḡgu* ‘узнать’. Регулярное чередование $\emptyset \sim k$, выделяемое для ряда лексем с аналогичным значением об. Ч *qoḡtugu*, тым. *qoḡtəgu* ‘узнать, угадать, понять’; об. Ш *koḡḡgu* ‘узнать’; об. С *kostku, kostḡgu* ‘узнать’, позволяет перейти на ряд лексем об. Ч *qoḡqəlgu* ‘рисовать, сделать метки’; *qoḡkugu* ‘подчеркивать, отмечать, прицелиться’ и восстановить для компонента *-oḡqa, -əḡka* при учете регулярного чередования $\emptyset \sim k$ значения ‘точка, метка, черта’. Для насекомого тым., об. Ч *sko, ḡsqo* ‘моль’ восстанавливается семантическая мотивировка «окрас». Данное насекомое имеет небольшой размер и его отличает серебристый цвет с бурым изменчивым рисунком на передних крыльях и с серым брюшком и задними крыльями [БСЭ, т. 16, с. 463].

Как показали результаты исследования, для наименований насекомых об. Ш *rürke*; об. Ч, *vas. ruḡka* ‘шершень’, зафиксированных в южнодиалектном ареале, выявляется значение ‘злой дух’. Наделение шершня качествами злого духа можно объяснить, обратившись к описанию данного насекомого в энциклопедиях и работах энтомологов. Шершни нападают на человека в случае, если их жизни или жилищу угрожает опасность. Для них характерен достаточно быстрый переход из спокойного в агрессивное состояние, кроме того, они могут издавать предупреждающий звук, призывая остальных членов семейства на помощь [БСЭ, т. 29, с. 389]. Шершни являются ядовитыми насекомыми, которые, в отличие от пчел, могут жалить неоднократно, учитывая особенность строения их жала. Укус, нанесенный шершнем в язык или кровеносный сосуд, очень опасен для человека, а для ребенка может стать смертельным [Корзунович]. Учитывая опасность, которую представляет шершень для человека, наделение его качествами злого духа не является удивительным.

Б) Отряд стрекозы:

№ п/п	Селькупское наименование		Русское наименование
	Северная группа селькупов	Южная группа селькупов	
	тур. k'azil'tir'e, q'azil'tir'e	об. Ч qβendr'eka, kβendr'eka; об. С qβəziltare	Стрекоза

Наименования насекомого **тур. q'azil'tir'e, об. С qβəziltare** 'стрекоза' являются сложными словами: в них выделяются составляющие q'azil'- (qβəzil-) и -tir'e (tare). Наименования различаются финальными компонентами: один из них -tir'e соотносится с первым компонентом лексем кет. tiryalgu 'затрястись'; об. С tirγobəgu 'дрожать, трястись, мигать'; об. С, Ч tēγimbīgu 'трясти, качаться'; об. Ч terγettəmbīgu 'качать, трястись'; об. Ч təγbatku 'вздогнуть'; terqalžugu 'встряхнуть', а другой -tare - с компонентом лексем тым. tarwatku 'задрожать'; об. С targamriku 'дрожать'. Для первого компонента выделено значение «серый», ср. qosel- (qoselaka), для второго – значение «порхание». Мотивировочными признаками инсектонима являются «окрас» и «способ передвижения посредством ритмичной работы крыльев».

В) Отряд двукрылые:

№ п/п	Селькупское наименование		Русское наименование
	Северная группа селькупов	Южная группа селькупов	
		кет. nanīŋga; об. С, тур. nānaqa; об. С nānka, nānqa; кет. nənaŋgo; об. Ш, Ч, вас. nənqa, nənqa; об. С, тым. nīnka; кет. nīnīŋga; об.Ш nīnka	комар
	ел. tirə, tir; тур. tirä	об. Ч tibä; об. С, Ч, тым. ib ibe ibə; кет. čipe be; кет. čippe; об. Ч, вас. čibe	муха
	ел. otariŋo tirə		олений паут
		кет. reŋqirü, reŋgirü; вас. ru; об. Ч rüja	паут, овод, слепень
	тур. ädäl' tibe	кет. routa; вас. ru II; об. Ч rüja	паут
		об. Ш äštet rü	паут-щелкунец

Наименования комара **об. С nānka; об. С, тым. nīnka; об. Ш nīnka; об. С, тур. nānaqa; кет. nīnīŋga, nənaŋgo** 'комар' можно поделить на группы, учитывая внешнюю форму:

- 1) об. С nānka; об. С, тым. nīnka; об. Ш nīnka
- 2) об. С, тур. nānaqa; кет. nīnīŋga, nənaŋgo.

Морфемное членение лексем первой группы: nān-ka, nīn-ka, nīn-ka и второй группы nāna-ka, nīnī-ŋga, nəna-ŋgo позволяет в первом случае выделить общий компонент nān- (nīn-, nīn-), во втором – компонент nāna- (nīnī-, nəna-). Мотивировочный признак для первого наименования раскрывается через лексему об. Ч nənbatruŋu 'пищать комару': əž a nənbatra 'комар пищит' (букв. голос (комар) пищит, ср. об., кет., вас. тым. əž, əžə 'голос, слово'). К этому же ряду можно отнести

лексема об. С *pānčugu* ‘наигрывать (мелодию)’; об. С *pānčəgu*, *pepčəgu* ‘играть, наигрывать’.

Мотивировочный признак для второго наименования раскрывается при сопоставлении первого компонента *pāna-* с лексемами кет. *pünö* ‘маленький, мелкий’; тур. *ñoña*, вас. *ñoje* ‘малек’; кет. *ñjga* ‘маленькая вошь’.

Вторые компоненты инсектонимов *-ka*, *-ŋga* (при чередовании звуков *k~ŋ(g)*) подверглись десемантизации, их можно рассматривать как словообразовательные суффиксы, ср. об. Ш *qiča* – об. С *qič-ka* ‘муравей’; вас. *ñoje* – кет. *ñjga* ‘маленькая вошь’; вас. *ñ eβal* ‘заяц’ – *ñeβalga* ‘заяц’. Источником происхождения суффикса могла стать лексема об. Ч, кет. *qa* ‘чешуя, букашка, червь, глист, солитер’ (иначе мелкая частица). Выделяем номинативный признак: издаваемый звук и размер насекомого (звук + мелкий).

Наименование мухи в селькупском языке представлено несколькими вариантами: ел. *tipə*, *tip*; тур. *tipä*; об. Ч *tibä*; об. С, Ч, тым. *ibä*; об. Ч, *iba*; *ibe*; *ibä*; кет. *čipe*; *be*; кет. *čippe*; об. Ч, вас. *čibe* ‘муха’. Основное различие между формами северных и южных диалектах сводится к звуковому соответствию *t* [Dulson, 1971, с. 41].

Поделив лексемы *tipə*, *čipe* на компоненты и выделив общий *-pə* (*bä*, *pe*), рассмотрим компонент *tī-* ~ *-či*. Селькупские лексемы с производящей основой *tī-* восходят к прасамодийскому **tīə* и его деривату **tīətə* ‘облако, тень’, ср. об. Ш *tit* ‘туча’ [Janhunen, 1977, с. 162]. С рассматриваемой лексемой связано обозначение понятия «душа» в селькупском языке. Важно уточнить, что в данном случае имеется в виду «душа-тень», так как у селькупов существует сложное понятие о душе, которое расходится с христианским представлением. В понимании селькупов есть «душа-дыхание», «душа-тень» и «душа-жизненность» [Ким, 1997, с. 15]. Представления о душе *tī/tika* смутные. Вероятно, каждый человек является обладателем *ičintil tika* – букв. ‘живая тень’. У мертвого человека этой души нет. Согласно информации, полученной от селькупов, тень человека уходит после его смерти и превращается в духа *kogynčityl’ ilyl’ tika* – букв. ‘прекращающая жизнь тень’ [Ким, 1997, с. 39–42].

В селькупском языке слово *tika* зафиксировано в значениях ‘тень, отражение’. От компонента *tī-* образовались следующие слова: таз. *titty* ‘облако’; *tinoly* ‘туча, облако’; *tītə* ‘туча’. Кроме того, не исключено, что с этим компонентом связаны слова с сакральным значением: таз. *tinaliqo* ‘бредить’; *tissa* ‘стрела с наконечником в виде вилки с двумя зубами (шаманы пользовались такой стрелой во время камланий над умершим)’ [Покофьева, 1976, с. 124].

Учитывая производящую основу *tī-*, выделяем второй компонент лексемы ел. *tipə* *ibə* ‘муха’ *-pə*, который образовался в результате редукции гласного от лексемы *epə* (*эрə*, *эбä*). Учитывая чередование согласных *p~b*, а также чередование гласных *a~ä~e* и *ə~e~ä* [Dulson, 1971, с. 36–38] выходим на существительные об., вас. *aba* со значением ‘сестра, старшая сестра, тетя, бабушка (по отцовской линии)’; кет. *oba*, *öba*, *öbo*, обро ‘старшая сестра моего отца’. В данном случае восстанавливается словообразовательная модель: душа-тень + бабушка. В первых, полагаем, что речь идет о женской особи, во-вторых считаем мотивировочным признаком данного инсектонима «серый окрас».

В селькупских диалектах зафиксированы следующие наименования паута: вас. **pu**, кет. **peŋipü**, об. Ч **püja**. Последний имеет также значения ‘овод, слепень’.

Инсектоним *püja* совпадает с наименованием филина об. Ч *püja*, кет. *püja*. В орнитонимах вас. *püjalžika*, об. С *pialžiga*, *piolžika* данное наименование пришло в соединение с лексемой *alžiga*, которая в современных диалектах имеет значение ‘старуха, жена’, а в орнитонимах передает женскую особь.

Наименование паута представлено вариантами, один из которых *püja* включает суффикс уменьшительности *-ja* [Беккер, 1995, с. 33]. Наименование *peŋipü*

является исторически сложным словом, в нем просматриваются компоненты *reŋgi-* и *-rü*. Первый соотносится с зоонимом кет. *rēŋgə*, об. С *reŋk*, кет. *p'iange* 'лось'. Наименование лося, в свою очередь, также является сложным словом, состоящим из компонентов *re-aŋgə*, *p'i-ange*, ср. кет. *rē* 'лось'. Компонент *p'i-* вычленяется в структуре лексем, обозначающих других представителей фауны: об. С *p'iēge* 'рябчик'; об. С *p'iet* 'лось, олень'; об. Ч *p'ieq* 'лось'. Мотивировочным признаком следует считать окрас «темный», ср. кет. *p'i* 'темный'; об. С *p'i* 'ночь'.

Выделив общий компонент, составим ряд *p'i*, *p'i*, *re*, *ri*, *rü*, включающий лексемы, которые совпадают с наименованиями паута, лося либо входят в качестве компонента в наименования лося, рябчика, хариуса (*pula qii*). Данное обстоятельство позволяет трактовать элементы ряда как родовое название зоонимического поля, имевшего значение 'зверь, птица, насекомое' – любой представитель фауны.

Результаты исследования инсектонимов показали, что на этапе их формирования словообразовательные модели были двух- и трехчленными, они включали компонент со значением «дух» и термин родства, что соединяло человека с окружающим миром. Мотивировочные признаки, восстанавливаемые на данном этапе функционирования рассматриваемого лексического пласта, сводятся к указанию на окрас насекомых, способ нанесения повреждения, на способ их передвижения, издаваемый характерный звук.

Список сокращений

Вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нар. – нарымский диалект; об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч); об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – обский говор Шёшкун и Шёшкун; тым. – тымский диалект.

Литература

Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. Томск, 1995.

Болдт Е.П. Именное словообразование нганасанского языка. Новосибирск, 1989.

Большая советская энциклопедия. Третье издание. В 30 т. М., 1969-1978.

Быконя В.В. Мифические предки в культуре селькупского этноса (по лингвистическим данным) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2011. Вып. 3 (105). С. 133–139.

Быконя В.В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2006. Вып. 4 (55). С. 133–140.

Быконя В.В. Эвфемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2006. Вып. 7 (97). С. 77–84.

Зеремская Ю.А. Термины родства и свойства в селькупском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2008.

Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.

Корзунович П.В. Встреча с шершнем // Архив журнала «Наука и жизнь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/12066>.

Костина Н.Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004.

Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

- Кузнецова А.И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. М., 1980.
- Миловидов С.П., Нехорошев О.Г. Справочник-определитель птиц Томской области / Под ред. А.М. Адама. Томск, 2002.
- Мухтарова Г.М. Энтомологическая лексика в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998.
- Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- Сахарова О.В. Флористическая лексика селькупского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.
- Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В.В. Быконя. Томск, 2005.
- Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft VII. Tallinn, 1971. № 1. S. 35–43.
- Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986.